

вносим в него с неизбежностью свои значения. И по сути, критика превращается в критику собственных значений, собственных интерпретаций, то есть в самокритику. Текст (текст-автор или автор-текст) ускользает от нас. Поэтому мы не должны попадать в такую ловушку.

Стремление сделать культуру текста (как создания, так и интерпретации) самоценной, саму себя обосновывающей, и в себе самой находящей смысл своего существования и развития, оказалось тупиковым. От текста остался только “след”. А он уничтожает саму возможность творчества. О “следе” ничего нельзя сказать, написать, даже того, что он есть. Поэтому возвращение на путь традиции оказывается неизбежным. XXI в. будет веком религии и мистики прежде всего в их сакральном аспекте.

А.В.Хорошилова
Екатеринбург

ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСТВА В РОМАНЕ Г.ГЕССЕ “ИГРА В БИСЕР”

Среди проблем, обсуждающихся в романе, присутствует оригинальная версия понимания творчества, которая является своеобразным антитезисом традиционному представлению, связанному с идеей прогресса, самореализации человека, воплощением его замыслов, как созидательной деятельности. Главной особенностью идеи Гессе является полный отказ от созидания, и, наоборот, сохранения культурных ценностей, накопленных человечеством за всю его историю. Воплощается эта идея в игре в Бисер - игре со всем содержанием культуры. Всем опытом, всеми высокими мыслями и произведениями искусства, рожденными человечеством в его творческие эпохи всем, что последующие периоды ученого созерцания свели к понятиям и сделали интеллектуальным достоянием, “всей этой огромной массой духовных ценностей умелец Игры играет как органист на органе, и совершенство этого органа трудно себе представить -его клавиши и педали охватывают весь духовный космос, его регистры почти бесчисленны, теоретически игрой на этом инструменте можно воспроизвести все духовное содержание мира. А клавиши и педали эти установлены твердо, менять их число и порядок в попытках усовершенствования можно только в теории: обогащение языка Игры вводом новых значений строжайше контролируется ее высшим руководством.

Зато в пределах этой твердо установленной системы, или пользуясь нашей метафорой, в пределах сложной механики этого органа, отдельному умельцу Игры открыт целый мир возможностей и комбинаций, и чтобы из тысячи строго проведенных партий хотя бы две походили друг на друга больше чем поверхностно — это почти за пределами возможного”.

В романе Гессе упоминает, что как идея Игра существовала всегда. Прообраз ее можно найти во многих прошедших эпохах, например, у Пифагора, затем в позднюю пору античной культуры, в эллинистическом кругу, у древних китайцев. “В основе всякого движения духа к идеальной цели *universitas litterarum*, ...всякой попытки сближения точных и гуманитарных наук, всякой попытки примирения между искусством и наукой или межд наукой и религией лежала все та же вечная идея, которая воплотилась для нас в игре в бисер. Таким умам, как Абеляр, как Лейбниц, как Гегель, несомненно была знакома эта мечта — выразить духовный универсум концентрическими системами и соединить искусство с магической силой, свойственной формулировкам точных наук. “В эпоху, когда музыка и математика переживали классический период почти одновременно, обе дисциплины часто дружили и оплодотворяли друг друга.

С.С.Аверинцев, в работе, посвященной Г.Гессе, пишет: “Игра в бисер — это словно выделение в химически чистом виде некоего вещества, которое в связанном виде всегда входило в жизненно важные соединения”. Для Гессе игра есть то, что “достойно всевозможной блаженной заботы, потому что если в чем реализует себя “вечный свет”, священная середина”, так это в игре. В игре происходит поиск некоторой мировой константы, того, что содержится в любом явлении, ставится определенная сверхзадача: прийти к некоему Великому единству, гармонии, совершенству, к одной основе мироздания, одному Закону всего, путем совмещения, взаимопроникновения иногда даже полярных культурных ценностей, их, порой, нелепой комбинации. Приближение к подлинному, обнаружение и хранение его. Мастер Игры давал наставления маленькому Кнехту: “Никогда не забывай того, что я столько раз говорил тебе: наше назначение — правильно понять противоположности, то есть сперва как противоположности, а потом как полюсы некоего единства... Каждый должен двигаться туда, где находится совершенство, он должен стремиться к центру, а не к периферии. Запомни: можно быть строгим логиком или грамматиком и при этом быть полным фантазии и музыки...” Предмет Игры, таким образом, понимается гораздо

шире, чем в строгих науках, это — универсум, все знание приобретенное за историю человечества. Универсальность проявляется в сближении между науками и искусствами: Единос, которое ищут касталийцы содержится во всем, его только нужно увидеть, нащупать.

“Игра в моем понимании, — написал однажды Кнехт Мастеру музыки, — охватывает, когда завершена медитация, игрока так, как охватывает сферическая поверхность свой центр, и отпускает его с чувством, что из мира случайного, хаотического он выделил и вобрал в себя какой-то целиком симметричный и гармоничный мир”. Для касталийцев важно не только достичь внутренней гармонии, но и умения как можно полнее подчиниться общему порядку, как можно совершеннее служить сверхличным задачам. Выдающийся человек, в этом понимании, это не тот, кто дальше отошел от нормы, уникален по своей натуре, а тот, кто благодаря природе и воспитанию дошел до почти полного растворения своей личности в ее иерархической функции, не утратив, однако, того сильного, свежего обаяния, в котором состоят ценность и аромат индивидуума.

В. П. Климов, Г. П. Климова
Екатеринбург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА

Конец XX в. знаменует доминирующее распространение визуальных форм культуры. Человек находится под постоянным воздействием как эстетически организованных, так и стихийных визуальных “принудительных” форм предметного окружения. Он воспринимает не только поток информации, но и такие ферменты, которые автоматически, вне рефлексии формируют его взгляды, представления, вкусы. Воздействие визуальных форм на человека может иметь не только положительный, но и негативный эффект, влиять на развитие как хорошего, так и дурного вкуса.

Показателем эстетической культуры общества и критерием эстетически развитой личности выступает степень развития основных форм эстетического сознания: восприятия, чувства, вкуса, идеала, суждения, теории.

Рассмотрение истории возникновения и эволюции “эстетического вкуса” как категории эстетики дает возможность проследить не только изменение понимания вкуса от первых суж-